

О ВОЗНИКНОВЕНИИ, СОСТАВЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РУССКОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
(1907—1917 ГГ.)

В. А. Дьяков

Каждое из исторических обществ, существовавших в дореволюционной России, оставило свой след в развитии исторической науки. Между тем Императорскому русскому военно-историческому обществу (ИРВИО), в списках которого значились многие виднейшие представители русской исторической науки предреволюционного десятилетия, посвящено лишь несколько страниц в монографии Л. Г. Бескровного о военной историографии России¹ и небольшое сообщение А. П. Кочеткова².

Источники для изучения деятельности ИРВИО имеются в достаточном количестве. Опубликованы устав Общества и положение о его местных отделах. Сохранились издававшиеся типографским способом ежегодные отчеты о деятельности ИРВИО с 1907 по 1912 г. включительно с приложением к каждому бухгалтерского баланса и алфавитного списка членов Общества. Годовые отчеты дополняются сводным отчетом за первые пять лет деятельности ИРВИО (1907—1912). Регулярно публиковались выборки из протоколов Совета Общества. Подробные информации о деятельности Общества печатались в «Журнале ИРВИО», а также в «Военном сборнике», «Русском инвалиде» и в некоторых других периодических изданиях. Сохранился архивный фонд ИРВИО, насчитывающий несколько сотен дел и находящийся сейчас в Ленинграде в архиве Артиллерийского исторического музея (ЛАНМ). Ценные сведения об Обществе содержатся в фондах Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА), а также в бумагах

¹ Л. Г. Бескровный. Очерки военной историографии России. М., 1962, стр. 312—314.

² А. Кочетков. Русское военно-историческое общество (1907—1914).— «Военно-исторический журнал», 1965, № 9.

П. Н. Симанского, Г. С. Габаева и в других материалах Рукописного отдела Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ГБЛ). Полезным дополнением к перечисленным источникам могут служить мемуарные свидетельства современников и участников событий, в частности воспоминания активного деятеля Общества Г. С. Габаева³.

Данная статья не претендует на исчерпывающую полноту в охвате проблематики и источников. Главное внимание сосредоточено в ней на изложении вопросов, имеющих определяющее значение для оценки политической позиции и агитационно-пропагандистской деятельности Общества. Один из такого рода вопросов связан с поисками предшественников ИРВИО и с изложением обстоятельств его возникновения.

В первом годовом отчете ИРВИО указывается, что мысль о желательности объединения военных историков еще в первой половине XIX в. высказывал Н. С. Голицын, а позднее — Н. Ф. Дубровин, Д. Ф. Масловский и другие известные специалисты⁴. Член Совета и активный деятель ИРВИО Г. С. Габаев объяснял появление общества исключительно возникшей у специалистов потребностью «общения, обмена материалами, взаимной помощи и информации»⁵. При этом в числе инициаторов он называл, с одной стороны, «полковых историков и музейстов», находившихся в начале 1900-х годов в столице и охотно посещавших лекции в Петербургском археологическом институте, а с другой — большую группу авторов и редакторов многотомного издания «Столетие Военного министерства»⁶.

Предшественником ИРВИО А. З. Мышлаевский назвал Общество истории и древностей российских как организацию научную и в то же время вполне верноподданническую, содействовавшую укреплению царского престола⁷. Г. С. Габаев считал, что «непосредственным предшественником ИРВИО» было возникшее в 1898 г. Общество ревнителей военных знаний⁸. Обращаясь к более отдаленному прошлому, он пытался довести родословную ИРВИО до близкого некоторым декабристам Общества военных людей⁹.

³ Г. С. Габаев. Русское военно-историческое общество (1907—1914). — «Военно-исторический журнал», 1940, № 4, стр. 122—124. Перед самой смертью в 1956 г. Габаев по просьбе автора этих строк подробно описал свое участие в деятельности Общества на страницах рукописи, озаглавленной «Из воспоминаний о Русском военно-историческом обществе (1907—1914)».

⁴ «Отчет о деятельности ИРВИО с 27.8.1907 г. по 1.1.1909 г.» СПб., 1909, стр. 4.

⁵ Г. С. Габаев. Русское военно-историческое общество, стр. 122.

⁶ Г. С. Габаев. Из воспоминаний..., стр. 4—5.

⁷ «Военный сборник», 1907, № 9, стр. 256.

⁸ Г. С. Габаев. Русское военно-историческое общество, стр. 112.

⁹ Г. С. Габаев. Из воспоминаний..., стр. 3.

Мысль об объединении военных историков действительно не раз возникала и высказывалась еще в XIX в. Однако для создания ИРВИО понадобились определенные условия. Об этом свидетельствует, в частности, судьба того проекта о создании Военно-исторического общества при штабе Московского военного округа, который был разработан военным историком П. Н. Симанским и поддержан окружным начальством¹⁰. А. З. Мышлаевский, которому был передан этот проект, в своем отзыве, датированном 11 апреля 1903 г., писал, что идея «заслуживает большого внимания»; в то же время он категорически возражал против намерения привлечь в Общество всех желающих, боясь, чтобы кто-либо из них не стал предъявлять требования, «удовлетворение коих нарушит покойное течение дел»¹¹. Образец, заслуживающий подражания, А. З. Мышлаевский видел в Русском историческом обществе, которое состояло только из специалистов-историков и было очень немногочисленным.

10 марта 1907 г. начальник Военно-ученого архива Главного штаба и профессор Академии Генерального штаба генерал А. З. Мышлаевский образовал инициативную группу, которая взялась за разработку устава будущего Военно-исторического общества и выделила организационный комитет¹². 7 апреля в приемном зале Главного штаба собрались участники инициативной группы и другие лица, именовавшиеся впоследствии членами-учредителями ИРВИО (всего их было 36 человек). Собрание обсудило проект устава и избрало редакционную комиссию для окончательной отшлифовки текста. 5 мая на втором собрании членов-учредителей устав был принят, а 27 августа 1907 г. царь утвердил его¹³. Через месяц — 29 сентября — было созвано первое общее собрание. Оно, во-первых, заслушало одобренный текст устава, во-вторых, постановило просить царя стать почетным председателем Общества¹⁴. На соответствующем представлении вскоре появилась резолюция Николая II: «Глубоко сочувствуя целям Общества, я охотно принимаю на себя звание почетного его председателя и жалую ему наименование Императорского»¹⁵.

Простой перечень фактов достаточен для того, чтобы убедиться, что на данном этапе верхи всячески поощряли инициати-

¹⁰ А. Кочетков. Указ. соч., стр. 95 (со ссылкой на ЦГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 673, лл. 12, 18, 26—27).

¹¹ ЦГВИА, ф. 401, оп. 5/929, 1903 г., д. 378, л. 58.

¹² Этот этап возникновения ИРВИО не упоминается ни в воспоминаниях Габаева, ни в сообщении Кочеткова.

¹³ «Устав ИРВИО». СПб., 1908, стр. 5. Подлинник устава см.: ААИМ, ф. 95, оп. 1, д. 10, лл. 2—4.

¹⁴ «Первые пять лет деятельности ИРВИО». СПб., 1913, стр. 1.

¹⁵ «Устав ИРВИО», стр. 3.

ву организаторов общества. Едва ли было случайностью то, что во главе инициативной группы оказался генерал Мышлаевский, известный не только как выдающийся военный историк, но и как крупный царский сановник (в 1907 г. он занял пост дежурного генерала Главного штаба, а в 1908 г. — стал начальником этого учреждения). Указанное и другие обстоятельства позволяют предполагать, что мысль о создании Общества была одобрена Военным министерством, а возможно, и самим царем, до того, как она вылилась в определенные организационные мероприятия. ИРВИО предназначалось царизмом не столько для научных целей, сколько для активного идеологического воздействия на армию и народ. Понимая, что открытое признание близости к царизму подорвет доверие и затруднит осуществление пропагандистских планов Общества, его организаторы вовсе не старались разубеждать тех, кто считал, будто Общество создавалось по частному почину и имело чисто научный характер.

Смысл маскировки раскрылся в ходе дискуссии, возникшей на собрании членов-учредителей 7 апреля 1907 г. Споры возникли из-за того места первоначального проекта устава, где говорилось, что Общество примыкает в Главному штабу и Главному управлению Генерального штаба. Диалог открыл Мышлаевский, подчеркнувший важность затронутого вопроса, который, по его словам, «определяет физиономию всего Общества»¹⁶. Красноречиво перечислив все, что Общество может приобрести от «примкнутия к правительственному учреждению», он закончил, однако, предложением отказаться от высокого покровительства, так как полученные при этом «материальные выгоды нанесут [...] некоторый нравственный вред»¹⁷. Составленная в слишком осторожных выражениях, речь Мышлаевского вызвала недоумение части слушателей, никак не понимавших позиции организаторов Общества и старательно перечислявших в своих выступлениях те многочисленные выгоды от покровительства Главного штаба, которые вовсе и не думал отрицать Мышлаевский. С разъяснениями пришлось выступить одному из членов инициативной группы, профессору Академии Генерального штаба А. К. Байову, который заверил, что предложенное исправление устава вовсе не означает отказа от правительственной поддержки. «Задачи... Общества, — говорил Байов, — столь широки и значение его настолько велико, что мы получим поддержку и содействие, на которые мы рассчитываем, хотя бы и не состояли при этих учреждениях»¹⁸. Выслушав эти заверения, в основательности которых можно было не сомневаться, поскольку они исходили от ближайшего сотрудника Мышлаевского по организационно-

му комитету, члены — учредители ИРВИО согласились на изъятие из устава спорного положения.

Цели Общества были сформулированы в § 1 и 3 его устава. § 1 провозглашал, что ИРВИО «имеет целью изучение военно-исторического прошлого русского народа во всех его проявлениях», а в § 3 говорилось, что «Общество стоит вне политики»¹⁹. Однако в материалах для внутреннего пользования, особенно в сношениях с Военным министерством и правительственными органами, эти уставные формулировки весьма существенно уточнялись и дополнялись. Так, в декабре 1907 г., обращаясь к царю за денежным пособием, Совет ИРВИО в лице его председателя заявлял: «Общество в ряде других задач поставляет своей целью давать военным читателям исследования, приуроченные к годовщинам наиболее славных событий нашей военной истории, и вообще содействовать подъему духа и укреплению нравственных начал в армии путем соответствующего исторического воздействия»²⁰. Еще более показателен текст того распоряжения председателя Совета министров военному министру, которое было переадресовано последним для осуществления в ИРВИО. В распоряжении указывалось, что к 50-летию 19 февраля 1861 г. ожидается появление литературы, «совершенно неправильно освещающей реформу», и предлагалось «обсудить вопрос о лучшем способе борьбы с явной и подпольной пропагандой, вызванной юбилеем, которая, несомненно, будет распространена на войска»²¹.

Поражение царизма в русско-японской войне и уроки 1905 г. весьма существенно изменили взгляды организаторов Общества на его состав. Выше говорилось, что в 1903 г. Мышлаевский резко критиковал намерение привлечь в Общество всех желающих. Между тем в устав ИРВИО на общем собрании 15 января 1908 г. было внесено дополнительно звание члена — сотрудника Общества, предназначенное вовсе не для специалистов по военной истории. Мотивировалось такое решение стремлением к тому, чтобы «ни один офицерский или классный чин в армии и на флоте не был лишен права считать себя прикосновенным к просветительской деятельности Общества»²². Фактически это было необходимо для успешного осуществления тех агитационно-пропагандистских задач, которые диктовались Обществу сверху.

Устав определял, что, кроме членов — сотрудников, в ИРВИО входили действительные члены, к числу которых, по словам Г. С. Габаева, относились лица, «имевшие печатные труды или заслуги в области военно-исторической науки»²³. Действитель-

¹⁶ «Военный сборник», 1907 г., № 9, стр. 260.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «Устав ИРВИО», стр. 5—6.

²⁰ ААИМ, ф. 95, оп. 1, д. 11, л. 6.

²¹ Там же, д. 36, л. 207.

²² «Отчет о деятельности ИРВИО с 7.8.1907 г. по 1.1.1909 г.», стр. 12.

²³ Г. С. Габаев. Русское военно-историческое общество, стр. 123.

Совет выбирал по рекомендательным заявлениям
ых и почетных членов Общества (нужно было иметь
ли рекомендаций и получить две трети голосов при
ллотировке). Для избрания членов-сотрудников ус-
я аналогичный порядок с той разницей, что доста-
одной рекомендации. Почетные члены ИРВИО полу-
чали это звание пожизненно; они избирались на общем собрании
по предложению Совета Общества. Звание почетных членов за
время существования ИРВИО получили два военных историка:
Д. А. Милютин и А. З. Мышлаевский. Кроме того, почетными
членами были избраны: военный министр В. А. Сухомлинов, ве-
ликие князья Николай Михайлович и Михаил Александрович, а
также румынский король Карл I. Члены — сотрудники ИРВИО
имели право совещательного голоса на собраниях Общества и не
имели права пользоваться его издательскими возможностями,
справочным бюро, библиотекой, преимуществами в допуске к ар-
хивным и музейным фондам.

Действительных членов ИРВИО в 1909 г. насчитывалось 373,
в 1913—890; на протяжении этих лет они составляли в Обществе
около трети. Членов-сотрудников в 1909 г. было 1005, в 1913—
1991²⁴. В именном списке на 1 января 1912 г., содержащем наи-
более подробные сведения о членах Общества²⁵, зафиксировано
38 полных генералов (из 130 имевшихся в России на 1 июня
1911 г.), 107 генерал-лейтенантов (из 325) и 189 генерал-майоров
(из 914)²⁶. Всего в списке было 334 генерала и 78 гражданских
лиц в чинах, соответствующих генеральским. Вместе они соста-
вляли почти 14% общего числа членов ИРВИО. Среди действи-
тельных членов удельный вес этой группы достигал 40%, среди
членов-сотрудников — превышал 6%.

В списках членов ИРВИО фигурируют фамилии командую-
щих военными округами и губернаторов, командиров корпусов и
царских послов за границей, начальников дивизий, бригад и
предводителей дворянства, командиров полков и земских началь-
ников, окружных военных судей и епископов, уездных воинских
начальников и городских голов, полковых священников и миро-
вых судей, директоров кадетских корпусов и уездных исправни-
ков, инспекторов народных училищ, начальников полицейских
участков, управляющих конторами Государственного банка
и т. д. Это обнаруживает прочную связь Общества с различными
слоями царской бюрократии. По соседству мы находим фамилии
миллионера Терещенко, графа Бобринского и других меценатст-

²⁴ «Первые пять лет деятельности ИРВИО», стр. 2.

²⁵ В списке указанием чина сопровождается примерно 90% должностного
положения — около 12% общего числа фамилий («Отчет о деятельности
ИРВИО за 1911 г.» СПб., 1912, стр. 78—139.

²⁶ Данные о численности высших военных чинов в русской армии см.: «Воен-
ная энциклопедия», т. VII. СПб., 1911, стр. 225.

вующих богачей. Они демонстрируют тесное единение ИРВИО
непосредственно с эксплуататорскими классами — буржуазией и
помещиками.

Изучение списков не только вскрывает классовый состав
ИРВИО, но и позволяет видеть, что Общество включало круп-
нейших русских ученых в области общей и военной истории, а
также специалистов в сопредельных отраслях знания. В списках
действительных членов Общества числились такие известные
ученые, как академик А. А. Шахматов, профессора С. Ф. Плато-
нов, М. К. Любавский, С. М. Середонин, А. С. Лаппо-Данилев-
ский. Но они, как правило, почти не участвовали в работе Об-
щества. Активными участниками деятельности ИРВИО были: во-
енные историки всех рангов — от профессоров Николаевской
военной академии Н. П. Михневича, А. К. Байова, Б. М. Коллоба-
кина и чинов военно-исторического отделения Главного управле-
ния Генерального штаба до полковых историков; директора и
научный персонал крупнейших архивов (Государственного сове-
та, Главного штаба, Московского отделения Главного штаба,
министерств юстиции, военного, военно-морского, просвещения
и др.); работники музеев (Артиллерийского, Суворовского и дру-
гих в Петербурге, Исторического и Румянцевского в Москве);
ученые-библиографы В. П. Ламбин, А. С. Лацинский, сын
Д. Ф. Масловского — С. Д. Масловский. Кроме того, в списках
ИРВИО фигурировали крупные издатели (в частности, В. А. Бе-
резовский); редакторы и сотрудники газет и журналов; коллек-
ционеры и ревнители старины, например, П. И. Шукин, П. Я. Да-
шков, граф и графиня Уваровы.

В уставе ИРВИО записано, что его финансовые средства сла-
гались: из ежегодных членских взносов (5 руб. для действитель-
ных членов, 3 руб. для членов-сотрудников), частных пожертво-
ваний, доходов от изданий и пособий казны²⁷. На протяжении
1908—1912 гг. в кассу поступили взносы лишь от 22% членов
Общества, и ни к кому из неплательщиков не было применено
предусмотренных уставом санкций. Пожертвования частных лиц
в целом несколько превосходили общую сумму членских взносов,
но их расходование в большинстве случаев строго обусловлива-
лось дарителями. Поступления от изданий Общества были дохо-
дом лишь в бухгалтерском смысле: за 1908—1912 гг. по этой
статье поступило 2876 руб., а израсходовано — 71 530 р.²⁸ Денеж-
ные пособия от царского правительства, помещенные уставом на
последнее место, фактически первенствовали в приходной части
бюджета ИРВИО. В общей сумме прихода за пять лет «пособие
от казны» составляло около 70% (84 514 руб.)²⁹. Если к назван-

²⁷ «Устав ИРВИО», стр. 7, 11.

²⁸ «Первые пять лет деятельности ИРВИО», стр. 47.

²⁹ Там же.

ной сумме прибавить еще правительственную субсидию в 88 666 руб. на издание популярной брошюры о 1812 году (она по неизвестным причинам не внесена в отчет), то окажется, что «пособие от казны» составило за пять лет 173 180 руб., т. е. около 83% приходной части баланса. Рядом с этой суммой членские взносы (10 195 руб., или 4,8% прихода) выглядят настолько незначительной величиной, что становится понятным миролюбивое отношение Совета ИРВИО к неплательщикам взносов.

Пособия, получаемые Обществом от царского правительства, в его финансовых отчетах разграничиваются на две части. Одну часть составляет ежегодное пособие в 10 тыс. руб.³⁰, которое, как утверждается в отчете, использовалось «для покрытия расходов, вызываемых научными и административными нуждами Общества»³¹. Другую образуют целевые пособия, выдававшиеся на выполнение определенных заданий царизма без права использования их для других целей.

В «пособиях от казны», полученных за пять лет, целевые средства составляли свыше 72%. На что же они предназначались? Оказывается, например, что 5 тыс. руб.³² царское правительство отпустило на мероприятия, связанные с пребыванием в России румынской военной делегации (1910 г.). Торжественные церемонии с участием чинов министерств двора, военного и иностранных дел³³, завершившиеся высочайшим приемом в Царскосельском дворце³⁴, никак не связаны с военно-исторической наукой: ИРВИО служило в данном случае ширмой, прикрывающей маневры царской дипломатии в балканском вопросе. 121 480 руб. было израсходовано за пять лет на пропагандистские брошюры, также не имевшие ничего общего с наукой. Интересно, что за тот же промежуток времени на издание «Трудов ИРВИО», где публиковалась основная научная продукция Общества, было истрачено 16 248 руб.³⁵ И это, несмотря на то, что по заявлению Совета Общества, в 1912 г. из-за отсутствия средств осталось неопубликованным не менее 10 томов подготовленных к печати документов Лефортовского архива, относящихся к прутскому походу Петра I и к Отечественной войне 1812 г.

Номинально во главе ИРВИО стоял почетный председатель Общества Николай II. Фактически им руководил Совет, состоявший из 12 человек: председателя, его товарища, секретаря, каз-

начья и восьми членов Совета. Все они избирались закрытой баллотировкой на общем собрании, которому предлагался заранее составленный кандидатский список. В список вносили весь прежний состав Совета и до девяти дополнительных кандидатов, каждого из которых должны были рекомендовать не менее чем 10 действительных и почетных членов Общества. Совет, избиравшийся на три года, имел очень большие полномочия. Он решал практически бесконтрольно все важнейшие вопросы, начиная от избрания членов Общества и расходования имеющихся средств до определения идейного содержания и политической направленности изданий ИРВИО.

Бессменный председатель Совета генерал Д. А. Скалон не блистал особыми талантами. В молодости ординарец, а в зрелые годы довольно плодовитый биограф великого князя Николая Николаевича (старшего) и начальник 2-й гвардейской («Красносельской») дивизии, он был «гордым, независимым барин»³⁶ в военном мундире, одним из тех генералов, которые делали карьеру не на поле боя, а в залах царских дворцов и в великосветских гостиных Петербурга. На военно-историческое поприще Скалон вступил в 1901 г., оказавшись на должности главного редактора юбилейного труда «Столетие Военного министерства». Первым товарищем председателя Совета ИРВИО был А. З. Мышлаевский. В 1909 г. его сменил другой известный военный историк, Н. П. Михневич. Оба они совмещали указанный выборный пост с высокой должностью начальника Главного штаба. Думается, что это было вызвано не случайностью, а стремлением как можно прочнее связать друг с другом официальные и неофициальные функции Общества.

Ведущее положение в Обществе занимали его участники, жившие в столице. Именно они составляли большинство на ежегодных собраниях, которым устав предоставлял некоторые распорядительные функции. Годичное собрание считалось правомочным, если на нем присутствовало 25% действительных и почетных членов Общества, находившихся в данный момент в Петербурге. Кроме центрального, или Петербургского, отдела ИРВИО, существовало 12 местных отделов: Московский (с 1 марта 1908 г.), Одесский (с 16 сентября 1908 г.), Варшавский (с 1 января 1909 г.), Киевский (с 21 февраля 1909 г.), Казанский (с 27 февраля 1911 г.), Орловский (с 13 апреля 1911 г.), Финляндский (с 1 декабря 1911 г.), Донской (с 24 октября 1911 г.), Тамбовский (с 3 декабря 1911 г.), Приамурский (с 16 мая 1912 г.), Нижегородский (с осени 1912 г.) и Виленский (с 29 апреля 1914 г.). Как правило, во главе отдела оказывался командующий войсками соответствующего военного округа; что касается деятельности местных отделов, то она имела преимущественно, а иногда

³⁶ А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю, т. I. Молотов, 1951, стр. 163.

³⁰ Г. С. Габаев неправильно называет размер пособия 5 тыс. руб. («Военно-исторический журнал», 1940, № 4, стр. 123). Фактически ИРВИО получало ежегодно 10 тыс. руб., а в 1914—1916 гг. ставился даже вопрос об увеличении пособия до 13 тыс. руб. (ААИМ, ф. 95, оп. 1, д. 82, л. 81).

³¹ «Первые пять лет деятельности ИРВИО», стр. 48.

³² Там же, стр. 47.

³³ Там же, стр. 38.

³⁴ Там же, стр. 39.

³⁵ Там же, стр. 47.

исключительно агитационно-пропагандистский характер. Исключение составляли Московский и Киевский отделы, включавшие в свой состав местную профессию, музейных и архивных работников.

Деятельность Общества развевывалась главным образом в разрядах. В первом годовом отчете возникновение разрядов описывается следующим образом: «Для более правильного и широкого развития богатой задачами деятельности Общества Совет на заседании 25 ноября 1907 г. признал необходимым подразделить ее, по специальностям, на особые отделения, присвоив последним наименование «разрядов»³⁷. На упомянутом заседании Совета были названы разряды: первый — история войн, второй — история военных специальностей (в том числе военного искусства, тактики, родов войск, отдельных частей и учреждений) и третий — военной археологии и археографии. В течение 1908 г. образовался только третий разряд, а первый и второй ничем не заявили о своем существовании. Поэтому первоначальное подразделение на разряды было признано «искусственным»³⁸, и из второго разряда был выделен четвертый разряд, получивший наименование разряда полковых и корабельных историй (он начал функционировать с апреля 1909 г.). Разряд истории войн сохранил свое первоначальное наименование, однако развернулся только в конце 1911 г. Ошибочное утверждение Габаева о существовании еще и разряда истории военного искусства³⁹ связано, по-видимому, с судьбой второго разряда, который формально был образован одновременно с разрядом полковых и корабельных историй в 1909 г., но фактически работу так и не начал.

Деление на разряды распространялось на все Общество, однако в большинстве местных отделов оно не было осуществлено. Каждый член Общества мог состоять в одном или нескольких разрядах; численность каждого из них не превышала, однако, 40—60 человек. В разрядах избирались председатель, товарищ председателя (один или два) и секретарь; создавались комиссии и комитеты по отдельным вопросам. Разряды проводили собрания и заседания, но такими функциями, как прием членов Общества, сбор членских взносов, они не обладали. Основной формой деятельности разрядов было чтение и обсуждение докладов, рефератов, сообщений; темы их выбирались самими авторами в соответствии с их желаниями и возможностями. Разряд военной археологии и археографии, первым председателем которого был А. З. Мышлаевский, издал три тома «Записок». Другие разряды своих печатных органов не имели.

³⁷ «Отчет о деятельности ИРВИО...», стр. 14.

³⁸ Там же. Доклад ревизионной комиссии, стр. 3.

³⁹ Г. С. Габаев. Русское военно-историческое общество, стр. 123.

Печатный орган Общества в целом «Журнал ИРВИО» по первоначальному замыслу «должен был быть строго научным изданием»⁴⁰. Редактором «Журнала» был избран П. Н. Симанский, его помощником стал Г. С. Габаев; обязанности секретаря редакции по совместительству исполнял секретарь Совета Общества Д. П. Струков. На протяжении 1910 и 1911 гг. вышло 12 номеров общим объемом в 147 печатных листов. В «Журнале» появились за это время некоторые ценные в научном отношении материалы. С январской книжки за 1912 г. облик «Журнала» существенно изменился: объем его сократился до двух — четырех печатных листов, он стал выходить ежемесячно и высылался каждому члену Общества «в счет его ежегодного членского взноса без добавления какой-либо особой подписной цены»⁴¹. С февраля 1914 г. «Журнал» начали бесплатно рассылать также библиотекам всех войсковых частей⁴². Было решено, что «Журнал» должен «объединять всех членов Общества, привлечь каждого из них к общей работе в целях достижения задач, предусмотренных высочайше утвержденным уставом Общества»⁴³. Для достижения этой цели «Журналу» предписывалось отражать «возможно более полным образом жизнь Общества и делать причастным к этой жизни каждого его члена»⁴⁴. Непосредственное ведение «Журнала» по новой программе было поручено особому редакционному комитету в составе А. К. Байова, Г. С. Габаева, В. Н. Жерве, Н. М. Печенкина и Д. П. Струкова.

Изменение облика «Журнала» формально обосновывалось отсутствием интереса читателей и убыточностью (в 1910 г. он имел 86, в 1911—87 подписчиков). В действительности главные причины были иными. Основная особенность «Журнала» в том виде, который был придан ему новой программой, заключалась в идейно-политической заостренности и практической направленности всех его выступлений, в тесной связи его содержания с агитационно-пропагандистскими задачами царизма. Эта особенность наиболее яркое выражение получила в передовых статьях «Журнала», которые всегда имели злободневную политическую окраску. Несомненно, что по замыслу редакционного комитета именно передовые статьи должны были сыграть решающую роль в «объединении всех членов Общества» и в «привлечении каждого из них к общей работе».

Особое место среди изданий ИРВИО занимали популярные брошюры, предназначенные прежде всего для солдат и матросов. Две из них были приурочены к 200-летию Полтавской бит-

⁴⁰ «Первые пять лет деятельности ИРВИО», стр. 25.

⁴¹ «Журнал ИРВИО» за 1912 г., стр. 2—3 (нумерация страниц в годовом комплексе валовая).

⁴² «Журнал ИРВИО» за 1914 г., стр. 107.

⁴³ «Журнал ИРВИО» за 1913 г., стр. 2.

⁴⁴ Там же.

вы (П. М. Андрианов, Петр и Полтава; П. М. Андрианов. Петр на Пруте), третья — к 50-летию крестьянской реформы 1861 г. (Н. П. Жерве. Император Александр II и освобождение крестьян), а четвертая вышла в связи со 100-летним юбилеем войны 1812 г. (П. М. Андрианов. Великая Отечественная война). Подготовка этих брошюр финансировалась правительством, а распространялись они, как правило, бесплатно. Тираж брошюры о войне 1812 г. достиг невиданного для тех лет уровня — 1,5 млн. экземпляров. Совет Общества не только проводил конкурсы на лучший, с точки зрения царских властей, текст брошюр к Полтавской и Бородинской годовщинам, но и определял всю «идейную сторону» юбилейных торжеств⁴⁵. Проведение юбилейных празднеств в 1912 г., особенно на периферии, осуществлялось в значительной мере под руководством деятелей Общества и по составленному ими плану⁴⁶.

Опубликованная мемуарная заметка Габаева содержит следующие замечания о хронологических рамках деятельности ИРВИО: «Последнее просуществовало фактически менее семи лет и закончило свою деятельность с началом войны 1914 г., когда почти весь личный состав Общества убыл на фронт»⁴⁷. Таким же образом определяется время прекращения деятельности ИРВИО в сообщении А. Н. Кочеткова⁴⁸. Между тем знакомство с архивными материалами показывает, что эта точка зрения верна лишь отчасти: Общество с августа 1914 г. свернуло свою деятельность до минимальных пределов, но формально оно продолжало существовать до Октябрьской революции. Подтверждается это целым рядом документов. Так, 13 марта 1916 г. члены Совета Общества Д. А. Скалон, Н. П. Михневич, Б. М. Колюбакин, Д. П. Струков и др., собравшись на заседание, послали на фронт А. К. Байову поздравление с новым назначением⁴⁹. В феврале 1917 г. С. Ф. Дубровину было выслано извещение о приеме его в действительные члены Общества со ссылкой на решение Совета, заседавшего накануне. В аналогичном извещении Н. С. Аносову упоминалось о заседании Совета ИРВИО 19 августа 1917 г.⁵⁰

Из всего, что было сказано, явствует, что годы существования ИРВИО относятся к той эпохе, когда в результате первой русской революции государственный строй России сделал очередной шаг по пути к буржуазной монархии. Этот шаг, необходимый для спасения самодержавия и основ существовавшего строя, состоял, между прочим, в отказе царизма от традиционной «надпартийности» во внутренней политике, в попытках усилить иде-

ологическое воздействие на массы, в ряде мероприятий, совокупность которых В. И. Ленин охарактеризовал словами: «Царизм становится «демагогическим»⁵¹. ИРВИО явилось естественным и закономерным продуктом капиталистической эволюции страны в годы столыпинщины. Именно это обусловило основное содержание и общественно-политическую значимость его деятельности.

Научные результаты деятельности Общества запечатлены преимущественно в полупериодических изданиях: упоминавшихся уже «Записках» разряда военной археологии и археографии, в «Трудах ИРВИО» и «Трудах Московского отдела ИРВИО», в «Военно-историческом вестнике», издававшемся Киевским отделом Общества. Вместе с отдельными публикациями источников, исследованиями, справочниками научная продукция ИРВИО насчитывала несколько десятков томов, причем некоторые из них достигали довольно значительного объема. Исследовательская деятельность Общества и его научные издания почти целиком посвящались отечественной военной истории.

Чтобы правильно оценить научную продукцию ИРВИО, необходимо учитывать состояние русской военно-исторической мысли в годы, предшествовавшие его появлению⁵². Среди военных историков долгое время господствовало преклонение перед иноземным военным искусством. Отечественная военная история и творчество крупнейших русских полководцев почти не изучались, а курс русского военного искусства в высших военно-учебных заведениях был факультативным. Только в последнее десятилетие прошлого и первые годы текущего столетия громко зазвучали голоса, доказывавшие необходимость изучения военного прошлого России. Д. Ф. Масловский, А. З. Мышлаевский, Н. П. Михневич, А. К. Байов и другие ученые, создавшие русскую военно-историческую школу, развернули большую работу по отысканию и публикации первоисточников, по их изучению и популяризации. Они добились значительных успехов, однако к началу русско-японской войны их взгляды еще не получили ни полного признания научной общественности, ни безоговорочного одобрения руководящих военных деятелей. Решительный поворот в сторону отечественного военного искусства произошел после русско-японской войны, когда ИРВИО, объединившее крупнейших военных историков и руководящих военных деятелей, провозгласило своей ос-

⁵¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 177.

⁵² По данному кругу вопросов в статье приходится ограничиться лишь самыми общими выводами. Несколько более подробно эти вопросы рассмотрены в следующих работах: Л. Г. Бескровный. Указ. соч., стр. 218—270; В. А. Дьяков. О развитии русской военно-исторической мысли в последней четверти XIX в. — «Военно-исторический журнал», 1969, № 5, стр. 60—72; он же. Об использовании документальных материалов ЦГВИА русскими военными историками периода капитализма. — «Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР», № 9. М., 1958, стр. 107—112.

⁴⁵ ААИМ, ф. 95, оп. 1, д. 42, лл. 9—18 и др.; д. 54, лл. 1—4.

⁴⁶ Там же, дд. 142—301.

⁴⁷ Г. С. Габаев. Русское военно-историческое общество, стр. 122.

⁴⁸ А. Кочетков. Указ. соч., стр. 99.

⁴⁹ ААИМ, ф. 95, оп. 1, д. 435, л. 16.

⁵⁰ Там же, д. 424, лл. 1—2.

новной целью изучение только военно-исторического прошлого русского народа, а не военной истории вообще. Это, несомненно, следует рассматривать как окончательную победу русской военно-исторической школы, видные представители которой вполне закономерно оказались во главе Общества.

Однако идейно-методологические пороки, органически присущие всей дворянско-буржуазной военно-исторической мысли, обусловили неспособность деятелей ИРВИО решать крупные научные проблемы, привели к боязни обобщений, к уходу в подробные описания второстепенных деталей. В этой связи симптоматичен слабый интерес деятелей ИРВИО к истории собственно военного искусства и неумеренное увлечение историографией войсковых частей, военной историографией, геральдикой, всевозможными кантами и выпусками. Вот что писал по этому поводу один из участников Общества: «Мы слышим о каких-то маленьких эпизодах, о развалившейся башне во Пскове, о каком-нибудь заштатном герое персидских войн...; полковые истории мы хотим раздувать до каких-то дредноутов..., а общие военно-исторические сочинения у нас остаются в забросе... Мы боимся больших сочинений потому, что мы неспособны делать широкие обобщения, не в силах дать суммирующие выводы»⁵³. Едва ли стоит добавлять что-либо к этому горькому, но справедливому признанию.

⁵³ «Ремешковые историки». — «Русский инвалид», № 34 от 9 февраля 1914.